

**ПРОБЛЕМА РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ
В ИДЕЙНОМ НАСЛЕДИИ П. Е. АСТАФЬЕВА В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА**

О. Н. Сальникова

Белгородский государственный университет

Поступила в редакцию 18 июня 2009 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу философии мыслителя XIX в. П. Е. Астафьева о русском самосознании. Наиболее подробно рассматривается специфика понимания Астафьевым личного и национального самосознания, самобытности русского самосознания и сохранения его уникальных черт в условиях глобализации. Подчеркивается важность идейного наследия философа в решении современных проблем развития русского самосознания.*

Ключевые слова: *сознание, самосознание, представление, деятельность, воля, нация, народ*

Abstract: *the article is devoted to the analysis of thinker philosophy of XIX century P. E. Astafiev about Russian self-consciousness. In this paper the specific of Astafiev's understanding of personal and national self-consciousness, Russian self-consciousness originality and maintenance of its unique features in globalization process is researched in details. Importance of philosopher ideological heritage is emphasized in modern problem solution of Russian self-consciousness development.*

Key words: *consciousness, self-consciousness, visualization, activity, will, nation, people.*

Нынешнее время является переходной эпохой. Придавая первостепенное значение процессам переходности в XXI в., следует уделить внимание историческим аналогиям, в которых находится объяснение современным направлениям развития. Конец XX — начало XXI в. в общих чертах воспроизводит социокультурную ситуацию рубежа XIX—XX вв. В истории имеет место постоянное возвращение к тому, что однажды возникло, но почему-то не получило развития, и только спустя столетия об этом вновь начинают говорить. Так незаслуженно было забыто наследие русского философа второй половины XIX в. Петра Евгеньевича Астафьева, который высказал ряд идей, имевших значение для его времени и остающихся актуальными по сей день. Речь идет о национальном самосознании. Однако предстоит выяснить, продолжают ли идеи Астафьева логику предшествующих веков или кардинально переосмысливаются в контексте современного развития.

Современник П. Е. Астафьева — Л. А. Тихомиров оценивал его как философа, который принадлежал к числу самых оригинальных русских мыслителей, поскольку его философия не была оторвана от жизни, а

соединялась с вопросами повседневного существования. В своих воспоминаниях Тихомиров ставил Астафьева в один ряд с Н. Н. Страховым, К. Н. Леонтьевым, М. Н. Катковым. По свидетельству Н. Я. Грота, Астафьев тогда был еще не оценен и не понят, хотя уже имел право занять «видное место среди родоначальников самостоятельной русской философской мысли» [1, с. 118]. Искания Астафьева по проблеме русского самосознания были значимы в эпоху его жизни, так как со второй половины XIX в. в России происходит резкое обострение споров и активных поисков путей развития национального самосознания, на повестку дня выдвигается вопрос «Россия и Европа». Однако более популярным в ту пору становится течение, возглавляемое В. С. Соловьевым. П. Е. Астафьев по своим воззрениям был консерватором, и поэтому его идеи не получили широкого распространения и влияния в обществе накануне революции. Его творчество отражает мотивы того времени. В его философии можно выделить несколько основополагающих тезисов: связь между самостоятельным развитием личности и становлением национального самосознания; уникальность русского национального характера и сохранение самобытности этого характера перед лицом западной экспансии.

Как справедливо отмечает современный исследователь Н. Ильин, в сочинениях Астафьева выделена «сначала русская философия как учение о личном самосознании, потом — русское национальное самосознание» [2]. Понимание личного самосознания в философии мыслителя связано с деятельным движением и усилием субъекта: «Только в сознании своих усилий, движений, совершенных с усилием, т.е. произвольных и т.п., чувствует живое существо свое бытие, чувствует себя. В этих усилиях, движениях ... справедливо многие психологи самых различных школ видят самый корень возникновения сознания... В деятельном движении, усилии, таким образом, — основы самочувствия, без которого нет и самой жизни» [3, с. 13].

Астафьев исследует процесс зарождения самосознания в психической жизни, признавая основное значение в этой области за волевым началом. Даже самое зарождение психической жизни — первое пробуждение сознания, по его мнению, приводится к волевым актам и состояниям. Далее, по словам автора, из произвольных движений, которые сопровождаются чувствами усилия, напряжения, появляется элементарная форма сознания — самочувствие. Самочувствием обладает всякое живое существо. Только через посредство усилий и напряжений психические состояния существа становятся сознаваемыми. «Поэтому существо, — пишет мыслитель, — вовсе лишенное всяких произвольных, сопутствуемых чувствами усилия, напряжения движений, было бы навсегда лишено возможности и самочувствия, и какого бы то ни было сознания впечатлений, ощущений — вообще лишено психической жизни. Поэтому же со всяким состоянием сознания, без исключения, соединена какая бы то ни было форма движения (выражение, жест, мысленная речь и пр.), сопутствуемого чувствами усилия,

напряжения в разнообразных формах (от формы мускульных и иннервационных чувств до чувств напряженности внимания). Они, эти деятельные чувства, лежат в основе всех других состояний духа, через их посредство сознаваемых, определяющихся в своем содержании, разделяемых и соединяемых и т.п.» [4, с. 412—413]. Автор, таким образом, раскрывает зависимость зарождения сознания и самосознания от произвольных движений субъекта. Произвольное движение осознается существом. Для Астафьева совершенно очевиден тот факт, что для совершающего произвольное движение существа само движение имеет определенную ценность. И наоборот: существо, лишенное всякого произвольного движения, было бы лишено всякого сознания, никаким своим психическим состоянием не придавало бы никакой ценности, не могло бы совершать движений, которые помогли бы приспособливаться к среде и приспособлять среду, т.е. не могло бы жить. Мыслитель отмечает, что без сознания — нет жизни. Все сказанное свидетельствует о том, что в философии Астафьева процесс зарождения самосознания рассматривается по следующей схеме: волевое начало выражается в движении; движение передается субъекту как чувство деятельного усилия, напряжения, которое является ценным для субъекта. Несомненно для философа, что приоритет во всех событиях психической жизни принадлежит волевому началу, которое проявляется в движениях и является центральным, всеопределяющим фактором.

Особое значение Астафьев придает знанию познающего субъекта о себе самом. Из современных исследователей на эту особенность его творчества обратил внимание М. А. Прасолов, который считает, что «понятие о внутреннем опыте является стержнем всей философии мыслителя» [5, с. 101]. Об этом знании повествуют следующие строки философа: «Знание это черпается ... исключительно из внутреннего мира, данного внутреннему опыту, и никакое знание внешних мысли объектов, их внешних отношений и общих определений по этим отношениям к этому знанию ничего прибавить не может» [4, с. 423]. При этом автор учитывает, что внутренний мир отличается от мира мертвых объектов двумя чертами: он дан и ведом только самому его обладателю в своей индивидуальности. Никаких специальных условий не требуется осуществить субъекту для того, чтобы иметь внутреннее знание, достаточно просто быть субъектом. Поскольку внутреннее знание доступно всем людям, не зависит от случайных внешних различий опыта, то Астафьев видит в нем способность стать основой, почвой для единого, общего всем без различий людям воззрения на мир и человека. Мыслитель убежден, что знание субъекта о себе самом есть основа личного самосознания. Знание субъекта о себе, по существу, есть непосредственное знание о себе как о деятельной воле. Таким образом, автор считает, что без воли нет ни субъекта, ни внутреннего мира.

Развитие процесса самосознания личности Астафьев рассматривает как систему взаимодействия трех компонентов: воли, чувства и интел-

лекта. Каково же значение каждого из них в самосознании? Астафьев распределяет их роли так: интеллект дает знание объективное; чувство — наоборот — дает душе не объективное знание, но знание о ценности для нее ее же собственных внутренних состояний; только в воле нет односторонности, отсюда — связь воли как таковой и с чувством, и с представлением. На основании этого суждения философ предписывает воле центральное, главенствующее по значению положение в совокупности душевных образований самосознания.

Если, по мнению Астафьева, воля играет главную роль во внутреннем процессе развития самосознания личности, то от каких внешних условий зависит ее развитие? Рассматривать процесс развития личного самосознания вне контекста, в котором формируется личность, нецелесообразно. Так предполагают современные исследователи. Этот подход, по сути, совпадает с астафьевской позицией. По мнению философа, общество и люди представляют собой живые организмы; развитие каждого отдельного человека есть результат влияния двух различных факторов — внешней среды и свойств самого живущего в ней существа. Астафьев понимает развитие как результат взаимодействия обоих факторов, оно есть приспособление внутренних отношений существа к внешним отношениям среды и одинаково определяется как условиями среды и воспитания, так и свойствами живущего в ней человека. Исходя из примата внутренней жизни, сознания и самосознания субъекта, Астафьев подчеркивает: лишь то усваивается человеком глубоко и основательно, что находит живой отклик в его душе. Для признания предписания, обязательного для воли, оно должно возбуждать душевное волнение. Без душевного волнения, утверждает мыслитель, теоретическая истина, признанная разумом, не становится сама по себе источником положительного возбуждения воли. Поэтому автор убежден, что без помощи со стороны сердца, чувства в области понятий, нравственная система не выполнит своего жизненного назначения.

Динамика личного самосознания происходит в рамках определенной нравственной системы. Философ стремился выяснить значение нравственной свободы в человеческих поступках. В этом вопросе он придерживался точки зрения, согласно которой требуется общее основание суждения о том или другом поступке в сознании того, кто его совершает, и в сознании того, кто терпит на себе его последствия. Астафьев доказывает наличие внутренней обязательности нравственного закона, а также внутреннее основание ответственности совершившего действия субъекта. Иначе человек никогда не нашел бы в нем требуемого определенного руководства, решения вопроса: «как поступить?». По этому поводу мыслитель писал: «Формальное начало нравственности (начало закономерности поступков, подчинения их общему, объективному критерию) лежит в самой природной организации самосознающего (судящего о себе) духа, оно общее всем временам и людям, независимо от их мировоззрений и религиозных верований» [4, с. 387—388]. Чем выше развитие человека, тем сознательнее его деятельность,

тем большая в нем потребность в сознательной системе законов деятельности. Как считает Астафьев, присутствием или отсутствием в нравственном таких признаков, как единство основания, всеобщность, осознанная обязательность закона, и определяется признание или непризнание мировоззрения быть нравственным, руководящим началом в жизни. Придерживаясь такой точки зрения, Астафьев с особой остротой выступает против «автоматизации» нравственной жизни человека, конечным результатом которой является полное упразднение всего, что дает ей ценность, теплоту и глубину, — внутренней борьбы, сознательности. Отсюда он делает вывод: во-первых, нравственная определенность развитого личного самосознания изначально поставлена себе самим субъектом; во-вторых, с самосознанием дана человеку возможность свободно относиться к своим хотениям, осуществлять постановку мыслей.

Таким образом, роль самосознания в человеческой жизни, по идее Астафьева, состоит в том, чтобы человек судил о себе самом, о своих стремлениях и поступках, устраивал свой собственный внутренний мир и самого себя. Мыслитель придает самое важное и решающее значение в человеческой жизни сознанию и самосознанию как высшему индивидуальному ее проявлению.

Проблема становления личного самосознания по историческим причинам неразрывно связана с развитием самосознания нации. В работах Астафьева утверждается, что все сказанное о роли самосознания в жизни отдельного лица подтверждается образом жизни культурных народов. По представлению автора, и национальное самосознание, и национальный характер не сконструированные явления; они заданы самой природой и неискоренимы по сути. Опору для личности, наделенной самосознанием, Астафьев видит в народе, а самосознанием народа выступает «национальный дух». «Национальный дух» не рассматривается мыслителем как сила, внешняя по отношению к человеку: «Национальный дух проникает в духовную жизнь и деятельность самосознающего существа. Он выражается в сознательном строе жизни, задач, в целом воззрении человека на мир, себя, свое отношение к миру. Нет силы творчества и действительности народного духа без национального мирозерцания, самосознания» [6, с. 47]. В сочинении Астафьева четко доказано, что народный дух есть начало глубоко и прочно воспитательное, придающее душевной жизни определенность, неизбежно сопровождающее всякое личное развитие и творчество.

Почему мыслитель доказывает необходимость служения делу родного национального самосознания как самому величайшему и священному делу жизни? По его мнению, своеобразие национального духа есть база, на основе которой формируются общечеловеческие идеалы и ценности. Одной из заслуг философа является разработка вопроса о роли идеалов как на личностном, так и на национальном уровне. В работах Астафьева утверждается, что усвоены и заимствованы могут быть только те или другие общечеловеческие начала, идеи, но не

самый духовный законченный строй их; у народа, доросшего до культуры, до самосознания, он всегда своеобразный, неподражаемый, неповторимый. Если какие-то идеи, интересы не получают закрепления в строе мысли народа, его культуре, они становятся слишком отвлеченными и могут волновать лишь отдельные личности.

Такого рода убеждения неминуемо должны были столкнуться с суждениями В. С. Соловьева, отказывавшего русским в национальной исключительности. С его точки зрения, в национальном заключено языческое обособленное начало. Оно должно быть подчинено решению вселенских задач. Астафьев полемизировал с ним, доказывая, что служение национальной идее само по себе является требованием сверхнародных начал и задач.

Современные тенденции развития показывают, что в обществе произошла переориентация в системе ценностей с общенациональных на корпоративные, семейные, личные. Этого допустить нельзя, поскольку осознание человеком своей принадлежности к определенной нации настолько же важно, насколько и актуально; оно оказывает серьезное влияние на отношения между людьми. Следовательно, идеи Астафьева не устарели и могут найти свое применение сегодня.

В чем же выражается для мыслителя уникальность русского национального самосознания? Автор отмечает особенности духовного строя русского народа, которые дает последнему его собственный самобытный характер жизни и деятельности. В трудах философа они определены следующим образом: «Глубина, многосторонность, энергическая подвижность и теплота внутренней жизни и ее интересов рядом с неспособностью и несклонностью ко всяким задачам внешней организации, внешнего упорядочения жизни и соответствующим равнодушием к внешним формам, внешним благам и результатам своей жизни и деятельности. Душа выше и дороже всего: ее спасение, полнота, цельность и глубина ее внутреннего мира — прежде всего, а все прочее само приложится» [6, с. 42]. Особое внимание Астафьев уделяет идеалу русского народа, наделенного практическим здравым смыслом, благодаря которому русскому характеру присущи такие черты, как нравственная опрятность, терпимость, никогда не допускающая малодушного отчаяния, подрывающего основы нравственной жизни, пессимизма и благодушия среди житейских невзгод.

Несомненен для автора факт, что именно такой характер представляется по своему существу призванным к философии. Это дает основание Астафьеву верить в возможность развития самобытной оригинальной русской философии. Поэтому он делает вывод о том, что если бы только развитием и выяснением такой науки и было суждено русскому народу послужить вселенскому человечеству, то и это была бы заслуга великая. В данном аспекте очевидно противоречие между точкой зрения Астафьева и идеей Соловьева, отрицающей возможность самобытной русской философии. Как верно заметил современный исследователь М. Смолин, спор этих мыслителей явился определенным эта-

пом в истории русского самосознания, самоценной частью в полемике о славянофилах и определил идеологические полюсы русского общества 80—90-х гг. XIX в. [7, с. 17]. В связи с актуализацией процесса восстановления духовных ценностей в настоящее время стоит подумать о том, что русский народ, обладающий способностями, названными Астафьевым, являлся бы блюстителем лучших общечеловеческих идеалов.

Поскольку национальное самосознание содержит в себе представления русского народа о своих стремлениях, силах, о своих задачах и себе самом, то, по убеждению Астафьева, оно дает возможность народу устраивать свою жизнь в соответствии с этими представлениями. Своеобразные черты духовного строя русского народа сохраняются внутри нас на глубоком архетипическом уровне, но, чтобы они проявились в самосознании отдельной личности, их необходимо развивать. Человек может развиваться, если развивает себя сам. Следовательно, как личное, так и национальное самосознание получают развитие только в процессе внутренней духовной работы человека. Мыслитель признает, что необходимо разобраться в собственных духовных инстинктах, чтобы прийти к стремлению обладать собственным национальным духом.

По какому же пути пойти в своем развитии России, чтобы сохранить самобытность национального самосознания? Астафьев отвечает на этот вопрос в работе «Смысл истории и идеалы прогресса», где изложены основные принципы понимания развития общества. Состояние социума того времени характеризовалось отсутствием четких и положительных идеалов. В этом отношении оно созвучно нынешнему положению в социокультурном пространстве. Данное явление может быть преодолено лишь при условии уяснения положительного содержания национального самосознания.

Главными орудиями самосознания для Астафьева являются история и философия, поэтому в кризисные времена они приобретают жизненно важное значение. Философ выделил две различные формы понимания истории: теорию развития и теорию прогресса. Первая признает значение традиции и национальной самобытности. Если же Россией будет выбран второй путь развития — западноевропейский, где превалируют идеи всеобщего равенства, то наша страна превратится в безликое государство. Здоровые силы общества должны противостоять столь негативным тенденциям.

Отсюда возникает вопрос о системе взаимосвязей индивида и нации. Осознание своей принадлежности к нации выступает в качестве стержневой системы оценочных отношений, необходимых для соответствующего самоопределения человека в духовной и социальной сферах. Современные тенденции развития предполагают еще и осмысление диалектики вселенского и национального. Объединение человечества осуществляется в условиях существования национальных институтов, следовательно, господствующие ценности и традиции, менталитет необходимо учитывать. Астафьев доказывал, что в истории нет одинаковых наций, так как всякий народ живет и развивается по-своему, по-

своему бывает он и счастлив, и только на пути этого своеобразного развития выполняет свою частную задачу в развитии человечества и в общем ходе истории. Данное утверждение весьма актуально в наши дни, поскольку бездумно копируется западный образ жизни, сохраняется нигилистическое отношение к собственным ценностям и традициям.

В своей работе «Религиозное обновление наших дней» Астафьев отмечал оскудение и измельчание духовных устоев общества: «После исключительного и страстного увлечения великолепными, подавляющими громадностью своих результатов успехами, открытиями и приобретениями нашего века в области политической, экономической, прикладных знаний, технической человечество как бы невольно начинает вспоминать о себе самом, о своей забытой внутренней, духовной жизни. Эта жизнь, очевидно для всех, не только не углубилась, не расцвела полнее от всех тех успехов и приобретений, но оскудела содержанием, измельчала, утратила свое значение и ценность» [4, с. 358]. Под это описание подходит и современная картина социокультурного пространства, которое по-прежнему заряжено противоречиями и конфликтами, провоцирующими диалог человеческого сознания с окружающим миром. Более того, современное социокультурное пространство осложнено наличием искусственной виртуальной реальности, переключающей сознание на неживой безличностный уровень самореализации. Между тем межчеловеческие диалогические отношения пока никто не отменял. Естественное пространство требует эмоционального, нравственного напряжения и настоящих поступков, а виртуальная игра не требует морального отчета, и современному человеку, увлеченному ею, не выработать никогда собственной индивидуально-неповторимой личностной позиции, столь важной для процесса формирования самосознания.

Диалог о смысле человеческой жизни кажется сегодняшнему молодому поколению менее реальным, а ведь именно он, как упоминалось в трудах Астафьева, помогает оправдать собственную жизнь перед сознанием. Однако истинное сознание, зарождающееся в результате внутренней душевно-духовной работы, не исчезает, пока жив человек, поэтому необходимо будировать, развивать самосознание, взывая к помощи сердца, чувства, воли. Следовательно, идеи о развитии личного самосознания, выдвинутые в свое время мыслителем, применимы и в наши дни, когда сознание человечества все больше заполняется внешними событиями и впечатлениями, обедняя и опустошая жизнь человека. Сегодня являются реальностью интегративные процессы в мире и продолжаются споры на тему, как сохранить самобытность национальных черт. Ценности русского национального характера, выделенные философом, остаются по сей день альтернативой глобальной цивилизации.

Какие же черты русского национального самосознания не исчезли и находят свое продолжение на современном этапе развития российской цивилизации? Нравственная опрятность, терпимость, благодушие среди житейских невзгод, глубина внутренней жизни — все они сохра-

нились внутри нас на архетипическом уровне, видоизменившись в новых социокультурных условиях. Но, к сожалению, сегодня своеобразные черты духовного строя русского народа проявляются все меньше, поскольку в обществе явно обозначен приоритет сугубо индивидуальных интересов, с одной стороны, и общечеловеческих, наднациональных — с другой. Поэтому насущной проблемой современной России, как и во времена Астафьева, остается развитие самосознания личности и формирование на его базе национального самосознания.

Анализ основ развития русского самосознания, представленный в контексте исследования творческого наследия Астафьева, позволяет выявить доминантную роль первого в жизни человека, народа, нации и его социально-нравственную значимость. Идеи мыслителя о путях развития самосознания личности, о самобытности русского самосознания, о сохранении его уникальных черт созвучны проблемам «переходности» в современной России и помогают осмыслить их решение.

Литература

1. Грот Н. П. Е. Астафьев / Н. Грот // Вопросы философии и психологии. — 1893. — Кн. 18. — С. 116—121.

2. Ильин Н. «Трагедия русской философии» / Н. Ильин // Русское самосознание : философско-исторический журнал ; издание русского философского общества им. Н. Н. Стрехова. — Вып. 5. URL: www.moskvam.ru/2001/04/ilin.htm

3. Астафьев П. Е. Страдания и наслаждения в жизни / П. Е. Астафьев. — СПб., 1885. — 70 с.

4. Астафьев П. Е. Вера и знание в единстве мировоззрения / П. Е. Астафьев // Астафьев П. Е. Философия нации и единство мировоззрения. — М.: Москва, 2000. — С. 352—527.

5. Прасолов М. А. «Внутренний опыт — это я сам»: проблема внутреннего опыта философии П. Е. Астафьева / М. А. Прасолов // Вестник Тамбовского университета. — Сер. : Гуманитарные науки. — 2007. — Вып. 6 (50). — С. 100—104.

6. Астафьев П. Е. Национальность и общечеловеческие задачи / П. Е. Астафьев // Астафьев П. Е. Философия нации и единство мировоззрения. — М.: Москва, 2000. — С. 25—57.

7. Смолин Н. Б. «Метафизик и гусар». Забытый мыслитель времени царствования Александра III / Н. Б. Смолин // Астафьев П. Е. Философия нации и единство мировоззрения. — М.: Москва, 2000. — С. 5—24.

Белгородский государственный университет

Сальникова О. Н., аспирантка кафедры философии

E-mail: olgaonprienk@rambler.ru

Тел.: (4722) 52-96-76

Belgorod State University

Salnikova O. N., Postgraduate Student of the Philosophy Department

E-mail: olgaonprienk@rambler.ru

Tel.: (4722) 52-96-76